

Charles Dickens

Чарлз Диккенс

Oliver Twist or the parish boy's progress

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА

Перевод Кривцовой А.В.

Учебное пособие

Метод параллельных текстов

Школьные технологии

2018

УДК 811.111
ББК 81.2Англ-93

Д 44 Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста = Charles Dickens. Oliver Twist or the parish boy's progress. Учебное пособие. Метод параллельных текстов А.М. Кушнира. — М.: Школьные технологии, 2018. — С. 748.

ISBN 978-5-521-76491-4

Учебное пособие для изучения английского языка методом параллельных текстов. «Параллельные тексты» являются составной частью природосообразной модели обучения, разработанной психологом Алексеем Кушниром. Принципиальное отличие этой модели в том, что в её основе лежит не лингвистика, а закономерности психофизиологии — механизмы работы мозга, психики, личности. Человек осваивает что бы то ни было благодаря именно этим механизмам, а не сообразно предметной парадигме математики, географии или лингвистики. Именно поэтому переход на природосообразные алгоритмы обучения позволяет значительно увеличить эффективность учебного процесса. Пособие предназначено для использования в учебном процессе, а также для самообразования.

ISBN 978-5-521-76491-4

ББК 81.2Англ-93

Моим учителям посвящается...

Вы держите в руках учебную книгу, которая является частью проекта «English-UpSelf». Это глубоко личный проект, поскольку стартовал в далёкой юности, почти в детстве. Тогда у этого проекта ещё не было ни имени, ни плана, но как оказалось, была некая предreshённость...

Все мы родом из школы! Некоторые учителя остаются в памяти и сердце навсегда. Моя учительница немецкого Галина Ивановна Зленко из таких. Но помню её почему-то не как учителя, а как друга, взрослого друга... Мне, шестикласснику, тогда и в голову не приходило, что пойду я на факультет иностранных языков и стану учителем немецкого.

В седьмом классе отца перевели из Поздеевки в Белогорск, и я стал учеником городской школы № 17. Здесь уже была другая учительница, Антонина Николаевна. Особого интереса к иностранному языку не было, но отношения с учителем были ровные и уважительные. И всё-таки по немецкому выходила тройка... Это была единственная тройка, которая могла оказаться в аттестате, а в ту пору шла повсеместная борьба за «средний балл». Это что-то вроде вселенской войны за баллы ЕГЭ. Но мне тройку не поставили, видимо, приняли во внимание заслуги в алгебре и на конкурсе «А ну-ка парни!».

Одноклассники уже все определились, кто куда поступает, я же весь извёлся сомнениями. Особо ценным качеством казалась мне тогда некая универсальность, знание и умение всего и вся, готовность ко всему, с чем можно столкнуться в жизни. Как-то это было связано с предполагавшейся военной карьерой. К окончанию школы я был уже водитель-механик третьего класса, имел третий-четвёртый разряд по нескольким профессиям. Особенно нравилось токарное дело... И мыслил я так, что незачем тратить время на алгебру или историю, которые я легко могу освоить самостоятельно. Эта почти случившаяся тройка по немецкому терзала и требовала реванша, и терзания те привели прямиком на факультет иностранных языков.

Чуть не вылетев после первой же сессии, я окончательно осознал горькую правду: к языкам не способен... Преподавателям я, наверное, казался если не идиотом, то бездельником. А между тем зубрил и зубрил усердно, но безо всякого результата. Товарки по группе легко заучивали страницы, а мне и абзац не давался... Выезжал кое-как на понимании, интуиции и везении.

Бросить? Нет! Это не про нас...

Смириться с таким своим плачевным состоянием было, конечно же, невозможно! Дума думалась день и ночь... Мозг изворотливо искал виновных, подсказывал чьи-то просчёты в методиках. Но постепенно этот внутренний обличительный диалог вошёл в русло дотошного анализа и поиска. И я пришёл к выводу, что возможен другой путь освоения иностранного языка, опирающийся не на зубрёжку, а на что-то ещё. Нужен был какой-то толчок, случайная находка, догадка.

Сидим в гостях у кого-то из городских, цедим на пятерых бутылочку «Алиготе» за рубль шестьдесят пять. Перебираю на полке хозяйские книжки... Ба!? «Три товарища» Ремарка на русском языке... Мы как раз работаем с книгой на «домашке», препарируем текст, анализируем языковые средства, доказываем преподавателю, что вдумчиво читали и переводили... Немецкий пока ещё так себе, анатомы-препараты те ещё, обсуждение прочитанного, соответственно, то ещё! А тут такая удача. Ну, думаю, в институтской библиотеке должен же быть Ремарк на русском. Иду. И на тебе: студентам инфака ни Ремарка, ни Джером К. Джерома на русском не выдают. Не я первый, значит.

«Per aspera ad astra...», это принципиально!

Недолго думая попросил одноклассника с факультета физвоспитания взять для меня пару нужных книг, и началось... Зачитывался! Обе книжки перед глазами, читаю на немецком, проверяю себя на русском, а однажды заметил, что порой перевод мне не нравится, кажется не совсем точным, не вписывается в авторский ритм...

А весной, что называется, гром грянул! С окна третьего этажа общежития на тротуар свалился почтовый ящик, служивший студентам зимой холодильником. Прямо под ноги грохнул наземь, разбрасывая растаявшие остатки зимней снеди. Испуг был нешуточный. Я не по-детски ругнулся залпом... Да не на родном, русском, а на чужом, немецком языке. И не только ругнулся, а ещё мысленно сказал всё, что думаю о дураках, которые привязывают ящики за окнами чем-нибудь типа ниток под номером 40.

Эта спонтанная «немецкая» реакция меня сильно озадачила. Работа с «параллельными текстами» дала настолько мощный прорыв в понимании иностранного языка и накоплении лексики, что я периодами стал думать по-немецки. А то и сон приснится с баварским акцентом. По-прежнему оставались проблемными дисциплины, где главным методом успеха было заучивание наизусть, но в целом учёба стала налаживаться.

Постепенно выстраивался алгоритм беспроblemного, лёгкого освоения иностранного языка, который окончательно оформился в метод обучения к концу второго курса. Теперь у меня было полное понимание того, почему язык все учат, но никто не знает, почему освоение языка идёт туго, медленно и трудоёмко, и как надо организовать учёбу, чтобы дело пошло. Конечно, хотелось поделиться с профессионалами, услышать оценку своих методических конструкций, даже изменить что-то в обучении нас, но увы, преподаватели моих «открытий» вежливо не оценили.

На третьем курсе — курсовая по методике. Давались проверенные временем темы и никакой самостоятельности... Я со своими тройками и изобретениями доверия не вызывал, а потому отличиться с собственной темой почти не было шансов. И всё-таки повезло! Преподаватель латинского, один из руководителей курсовых работ, Яков Вениаминович Генин, изучив мои выводы, сказал: «А ты знаешь, раньше так изучали латынь... Почему бы и нет?» Так я впервые, в 1978-м, оформил свои методические мысли письменно. И только в 1997 году мне удалось повторить этот «подвиг». В качестве отдельного выпуска журнала «Школьные технологии» вышла в свет небольшая книжка «Педагогика иностранного языка».

Мне, студенту, удалось разработать эффективный алгоритм работы, но понять некоторые неметодические причины того, почему «все учат, но никто не знает», довелось много позже. Где-то в 1984-м, в московском дворике по улице Сивцев Вражек, на скамеечку присел старичок погреться на солнышке. Знать бы мне, что это был действующий кандидат в члены ЦК КПСС... Разговорились. Он расспрашивал, чем занимаюсь в аспирантуре, какие есть идеи, мысли, планы и достижения... Я, конечно же, не утерпел и рассказал о своих методических изысках. Удивительно то, насколько ему всё было интересно. Он задавал уточняющие вопросы, высказывал догадки и гипотезы. Это был, пожалуй, один из самых интересных и сведущих собеседников в моей жизни. А напоследок нашей беседы он рассказал мне случай, имеющий отношение к теме.

В конце пятидесятых ЦК КПСС сформировал рабочую группу для выработки решений по поводу размещения на территории СССР станций РЭБ, а проще — «глушилок», предназначенных для подавления враждебных «голов». Один из экспертов-инженеров, капитан-фронтовик, в ходе обсуждения высказал абсурдную на первый взгляд мысль: «А что же делать с передачами на немецком, английском языках? Как их глушить?» Вопрос вызвал смех, но председатель рабочей группы был не так прост. Он попросил капитана пояснить свой вопрос. «У нас на фронте, кто призвался после средней школы, сразу становились переводчиками...», — ответил капитан. Присутствующие на совещании фронтовики подтвердили массовость этого факта. И к проводам немецким подключались, и эфир слушали, и допросы вели. Выходит, школа давала и продолжает давать хороший уровень языковой подготовки. Настолько хороший, что «железный занавес» терял смысл.

Уже через пару недель боевой отряд партии, КГБ СССР, получил задание изменить методику преподавания таким образом, чтобы «все учили, но никто не знал» иностранный язык.

В кратчайшие сроки, под аккомпанемент постановлений «об улучшении дел» с иностранными языками в СССР, переводно-грамматический метод обучения был заменён на «условно-коммуникативный». В считанные недели, месяцы из обихода и библиотек исчезла методическая литература по «устаревшей методике», а переподготовку прошли все учителя страны. С тех пор в СССР и в России язык все учат, но никто не знает. Таким образом, неэффективность обучения языкам в нашей стране является результатом спецоперации КГБ СССР. Эта служба, как видно, с задачей справилась настолько хорошо, что последствия этой спецоперации не преодолены по сей день.

Этого «старичка», кандидата в члены ЦК КПСС, звали Яков Иванович Кабков.

В последние годы в России широко распространились сетевые школы иностранных языков, работающие по западным лекалам. Но и они не решили проблему эффективного обучения, поскольку принесли к нам всё тот же условно-коммуникативный метод, который хорош для Европы, но совершенно непригоден у нас. Таким образом, низкая эффективность применяемых методов обучения остаётся нерешённой проблемой!

На самом деле у нас давно есть технология обучения, которая преодолевает наследие «железного занавеса» и некоторых успешных спецопераций, и идёт дальше переводно-грамматического метода! Её эффективность превосходит известные практики вдвое-втрое, что даёт существенную экономию времени. Уникальность этой технологии, например, в том, что при её использовании не нужен преподаватель иностранного языка, она достаточно хороша для самообразования.

Зачем я рассказываю здесь эту свою, глубоко личную, историю? Дело в том, что для нас эта история типична, она встречается в судьбе любой инновации и каждого изобретателя в нашей стране.

Да, действительно, ещё тогда, в 1970-х, был найден простой и эффективный метод обучения. Уже работая преподавателем в пединституте, мне удалось апробировать некоторые технологические решения и убедиться в их беспрецедентной эффективности. Моими испытуемыми были студенты факультета русского языка и литературы, а также строительного техникума. И я точно знаю, что разработанный в 1970-х алгоритм учебной работы по-прежнему недостижим по эффективности для других систем обучения, будь они из самых первых рук Гарварда или Принстона. Но если решение такое эффективное, то отчего же его нигде нет? Это и есть причина рассказывать эту историю.

Это и есть то, что меня потрясает, возмущает и оскорбляет — наша тотальная, беспросветная, безысходная инновационная тупость. Изобретателей у нас хватает, идей тоже, но вы посмотрите, с каким трудом эти изобретатели и эти идеи пробиваются в свет! Я другой такой страны не знаю... Стоит ли об этом говорить в предисловии к учебной книге? Не знаю! Иногда мне кажется, что надо не говорить, а орать, орать на всех углах...

Вспомните начало 1990-х! Ренессанс педагогического творчества и изобретательства, несколько лет творческого полёта в будущее! Думали, теперь это навсегда... Но взгляните на сегодняшнего директора школы. Полномочия, возможности и прочие «степени свободы» директора школы в СССР ему и не снились! Предложите ему инновацию, и он отпрыгнет от вас как от чумного. Впрочем, если та же инновация будет родом из каких-нибудь швейцар, сингапуров и прочих америк, то welcome...

Что с нами?

Может, не сетовать на «особенности национальной инновации» да не ныть про всеобщую инновационную тупость, а выпекать эти «методические пирожки» и делом обосновывать достоинства подхода?

Несколько слов надо сказать об аналогах. Такие и похожие книги есть, достаточно давно выпускаются, но используются иначе, в рамках другой методологии. В нашей системе обучения книги с подстрочником используются несколько иначе, но об этом — отдельно. Пишите: kushnir-narobr@yandex.ru

Итак, перед вами учебная книга. Инструкция к ней проще простого: читайте не торопясь, наслаждайтесь чтением, а когда непонятно, о чём это, подглядывайте в подстрочный перевод. От книги к книге ваши навыки в английском неизбежно будут улучшаться.

Алексей Кушнир

Charles Dickens

Чарлз Диккенс

Oliver Twist or the parish boy's progress

Приключения Оливера Твиста

CHAPTER I

Глава I

TREATS OF THE PLACE WHERE OLIVER TWIST WAS BORN AND

повествует о месте, где родился Оливер Твист, и обстоятельствах,

OF THE CIRCUMSTANCES ATTENDING HIS BIRTH

сопутствовавших его рождению

Among other public buildings in a certain town, which for many
Среди общественных зданий в некоем городе, который по многим причинам
reasons it will be prudent to refrain from mentioning, and to which I will
благоразумнее будет не называть и которому я не дам никакого вымышленного
assign no fictitious name, there is one anciently common to most towns,
наименования, находится здание, издавна встречающееся почти во всех городах, больших
great or small: to wit, a workhouse; and in this workhouse was born; on a
и малых, именно – рабочий дом. И в этом рабочем доме родился, – я могу себя не
day and date which I need not trouble myself to repeat, inasmuch as it can
утруждать указанием дня и числа, так как это не имеет никакого значения для
be of no possible consequence to the reader, in this stage of the business
читателя, во всяком случае, на данной стадии повествования, – родился смертный, чье
at all events; the item of mortality whose name is prefixed to the head of
имя предшествует началу этой главы.
this chapter.

For a long time after it was ushered into this world of sorrow and
Когда приходский врач ввел его в сей мир печали и скорбей, долгое время
trouble, by the parish surgeon, it remained a matter of considerable doubt
казалось весьма сомнительным, выживет ли ребенок, чтобы получить какое бы то
whether the child would survive to bear any name at all; in which case it is
ни было имя; по всей вероятности, эти мемуары никогда не вышли бы в свет, а
somewhat more than probable that these memoirs would never have
если бы вышли, то заняли бы не более двух-трех страниц и благодаря этому
appeared; or, if they had, that being comprised within a couple of pages,
бесценному качеству являли бы собою самый краткий и правдивый образец

they would have possessed the inestimable merit of being the most concise biography из всех сохранившихся в литературе любого века and faithful specimen of biography, extant in the literature of any age or или любой страны. country.

Although I am not disposed to maintain that the being born in a workhouse, is in itself the most fortunate and enviable circumstance that can possibly befall a human being, I do mean to say that in this particular instance, it was the best thing for Oliver Twist that could by possibility have occurred. The fact is, that there was considerable difficulty in inducing Oliver to take upon himself the office of respiration,-a troublesome practice, but one which custom has rendered necessary to our easy existence; and for some time he lay gasping on a little flock mattress, rather unequally poised between this world and the next: the balance being decidedly in favour of the latter. Now, if, during this brief period, Oliver had been surrounded by careful grandmothers, anxious aunts, experienced nurses, and doctors of profound wisdom, he would most inevitably and indubitably have been killed in no time. There being nobody by, however, but a pauper old woman, who was rendered rather misty by an unwonted allowance of beer; and a parish surgeon who did such matters by contract; Oliver and Nature fought out the point between them. The result was, that, after a few struggles, Oliver breathed, sneezed, and proceeded to

Хотя я не склонен утверждать, что рождение в работном доме само по себе самая счастливая и завидная участь, какая может выпасть на долю человека, тем не менее я полагаю, что при данных условиях это было наилучшим для Оливера Твиста.

Потому что весьма трудно было добиться, чтобы Оливер Твист взял на себя заботу о своем дыхании, а это занятие хлопотливое, хотя обычай сделал его необходимым для нашего безболезненного существования. В течение некоторого времени он лежал, задыхающийся, на шерстяном матрасике, находясь в неустойчивом равновесии между этим миром и грядущим и решительно склоняясь в пользу последнего.

Если бы на протяжении этого короткого промежутка времени Оливер был окружен заботливыми бабушками, встревоженными тетками, опытными сиделками и премудрыми докторами, он неизбежно и несомненно был бы загублен.

Но так как никого поблизости не было, кроме нищей старухи, у которой голова затуманилась от непривычной порции пива, и приходского врача, исполнявшего свои обязанности по договору, Оливер и Природа вдвоем выиграли битву.

В результате Оливер после недолгой борьбы вздохнул, чихнул и возвестил обитателям работного

advertise to the inmates of the workhouse the fact of a new burden having
дома о новом бремени, ложившемся на приход, испустив такой громкий
been imposed upon the parish, by setting up as loud a cry as could
воплъ, какой только можно было ожидать от младенца мужского пола,
reasonably have been expected from a male infant who had not been
который три с четвертью минуты назад получил сей весьма полезный
possessed of that very useful appendage, a voice, for a much longer space
дар – голос.
of time than three minutes and a quarter.

As Oliver gave this first proof of the free and proper action of his
Как только Оливер обнаружил это первое доказательство надлежащей и
lungs, the patchwork coverlet which was carelessly flung over the iron
свободной деятельности своих легких, лоскутное одеяло, небрежно брошенное на
bedstead, rustled; the pale face of a young woman was raised feebly from
железную кровать, зашевелилось, бледное лицо молодой женщины приподнялось с подушки
the pillow; and a faint voice imperfectly articulated the words, 'Let me see
и слабый голос невнятно произнес: – Дайте мне посмотреть на ребенка – и умереть.
the child, and die.'

The surgeon had been sitting with his face turned towards the fire:
Врач сидел у камина, согревая и потирая ладони. Когда
giving the palms of his hands a warm and a rub alternately. As the young
заговорила молодая женщина, он встал и, подойдя к изголовью, сказал
woman spoke, he rose, and advancing to the bed's head, said, with more
ласковее, чем можно было от него ждать: – Ну, вам еще рано
kindness than might have been expected of him: 'Oh, you must not talk
говорить о смерти!
about dying yet.'

'Lor bless her dear heart, no!' interposed the nurse, hastily
– Конечно, Боже избавь! – вмешалась сиделка, торопливо засовывая
depositing in her pocket a green glass bottle, the contents of which she had
в карман зеленую бутылку, содержимое которой она с явным удовольствием
been tasting in a corner with evident satisfaction.
смаковала в углу комнаты.

'Lor bless her dear heart, when she has lived as long as I have, sir,
– Боже избавь! Вот когда она проживет столько, сколько прожила я, сэр, да
and had thirteen children of her own, and all on 'em dead except two, and
произведет на свет тринадцать ребят, и из них останутся в живых двое, да и те будут с